

Л. СТРАХОВСКИЙ

Фет и Ахматова

Литературная заметка

Фета, так же как и Тютчева, «открыли» символисты, и в этом их большая заслуга. В период, когда властвовали «гражданская» поэзия или такие поэты, как Надсон и Апухтин, поднять голос в защиту Фета и Тютчева было делом героическим, требовавшим много мужества. И такое мужество проявил Брюсов, когда он выступил с докладом в Московском литературно-художественном кружке о поэзии Фета по случаю десятилетия со дня его смерти. Речь Брюсова, «восторженно говорившего о поэзии Фета, который, как всем известно, был крепостник да к тому же и камергер», вспоминает Ходасевич, слушалась с явным неодобрением. «Когда начались прения, поднялся некто, имевший столь поэтическую наружность, что ее хватило бы на Шекспира, Данте, Гёте и Пушкина вместе. То был Любошиц, фельетонист из “Новостей дня”. Рядом с ним Брюсов имел вид угнетающе-прозаический. Любошиц объявил напрямик, что поэзия Фета похожа на кокотку, скрывающую грязное белье под нарядным платьем. Этот образ имел успех потрясающий. Зал разразился бурей аплодисментов. Правда, говоря о Фете, Любошиц приписал ему чьи-то чужие стихи. Правда, бурно выскочивший на эстраду юный декадентский поэт Борис Койранский тут же и обнаружил это невежество, но его уже не хотели слушать. Ответное слово Брюсова потонуло в общественном негодовании»*.

В такой атмосфере боролись символисты за признание двух замечательных поэтов. Влияние Фета на раннего Блока неоспо-

* Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. С. 298—299.

римо, а Бальмонт писал в начале двадцатых годов: «Мы, русские, раньше, говоря о наших поэтах, наиболее сильных, почти неизменно сопоставляли два имени — Пушкин и Лермонтов. За последние лет двадцать пять к двум этим славным именам, в сопоставлении, присоединились, как равноправные, два благородные имени — имена, не менее лучезарные, чем те прежние звезды — Тютчев и Фет. Пушкин — заря наша, Лермонтов — комета, Тютчев — звездная Ночь, Фет — любовный Сад, звонкая от птичьих песен роца. Без этих четырех не быть нашему чувству светлым, тонким, утонченным, музыкальным. Они, как восток и запад, как север и юг, — четыре угла нашего поэтического Эдема» *. И вспоминая своих любимых писателей, повлиявших на его собственное творчество, он подчеркивает: «Фет, многократно Фет» **.

Но если Тютчев и Фет, «открытые» символистами, имели на них, по их собственному признанию, большое влияние, эти имена совсем не упоминаются акмеистами. В программной статье «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев писал: «Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность. Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами» ***. Таким образом, Шекспир, Рабле, Виллон и Готье, эти четыре краеугольных камня здания акмеизма, противопоставляются Пушкину, Лермонтову, Тютчеву и Фету — четырем углам поэтического Эдема символистов, по Бальмонту.

Тем не менее нельзя допустить, чтобы акмеисты, эти «наследники» символизма, не знали Тютчева и Фета. Но в их по-

* Бальмонт К. Д. «Где мой дом». Очерки 1920—1923. Прага, 1924. С. 41.

** Там же. С. 65.

*** Аполлон. 1913. Январь. № 1. С. 44—45.

эзии нельзя проследить влияния того или другого. Поэтому-то так поразительно сходство между стихотворением Ахматовой «Муза» из ее последней книги «Ива» (1940) и стихотворением Фета «Музе» из «Вечерних огней» 1888 г. Это, конечно, не плагиат, но очевидный отклик, подсознательный отголосок в поэтической душе Ахматовой, должно быть, давно ею прочитанного и глубоко воспринятого стихотворения Фета. Здесь налицо тот же пятистопный ямб с чередующимися женскими и мужскими рифмами. Здесь та же форма — строфы в четыре строчки каждая, у Фета — три, а у Ахматовой — две. И здесь то же настроение и, что еще важнее, те же мысли.

Вот эти два замечательных стихотворения: первое — Фета, второе — Ахматовой.

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих —
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.
Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.
Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы “Ада”?» Отвечает: «Я».

Помимо звуковых совпадений, как «Пришла и села» у Фета (*шл* и *с-л*) и «Вот вошла» у Ахматовой (*шл*), в обоих стихотворениях муза «входит» к поэту. Кроме того, в обоих стихотворениях запечатлено чувство тревоги. Фет говорит: «Счастлив и *тревожен*», а Ахматова передает это чувство словами: «Жизнь, кажется, висит на волоске». Дальше оба поэта сознают себя недостойными музыки. Фет пишет: «И если дар мой пред тобой ничтожен», а Ахматова: «Что почести, что юность, что свобода

пред милой гостьей» (ведь для нее тогда свобода была весьма значительной ценностью, большей даже, чем почести или ушедшая юность). Но о свободе говорит и Фет: «Заботливо храня твою свободу». Кроме того, и для Фета, и для Ахматовой муза не простая, земная, телесная, как у Пушкина, а вещь «незримая земле, в венце из звезд», по Фету, и которая «диктовала страницы “Ада”» Данте и пришла в «покрывале», как Сибилла, по Ахматовой.

В общем, если разобрать словосочетания и музыку гласных и согласных, можно найти еще примеры сходства между этими произведениями двух выдающихся, хотя и весьма разных, русских поэтов. Разделенные по времени полу столетием, эти два стихотворения связаны тончайшими нитями поэтического вдохновения и творчества. И хотя для нас, современников, стихи Ахматовой и ближе, и совершенней, и трагичней, через них можно легче приблизиться к духовному и поэтическому облику Афанасия Афанасьевича Фета.

